

СТАТЬИ

Петров М.А.

ВОЙНА КАК ТРАДИЦИЯ И ТРАДИЦИИ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА КОНФЕРЕНЦИИ «АНТРОПОЛОГИЯ ВОЙНЫ»)

В области исследования проблем, связанных с антропологией войны, на наш взгляд в отдельное направление может быть выделено изучение различных сообществ, для которых война представляла собой не экстраординарное, а напротив вполне будничное, привычное явление. И неважно, идёт ли речь о целых социальных организмах позднепервобытной или переходной стадии (т.н. воинственных народов), военных сословиях Древности и Средневековья или даже профессиональных наёмниках Нового и Новейшего времени. Несмотря на все стадийно и культурно обусловленные различия, в контексте антропологии войны более существенными представляются всё же общие черты.

В частности, давно подмеченным явлением, присущим самым различным воинским сообществам, является формирование специфической культуры войны, особенно стабильной и детализированной в едином этнокультурном/цивилизационном пространстве. И общей тенденцией в генезисе подобного рода культур, на наш взгляд является стремление к максимально возможному упорядочиванию традиций ведения боевых действий, выработка регламентированного гласного или негласного кодекса, направленного в конечном счёте на снижение человеческих потерь. Закономерность подобной тенденции вполне очевидна – там, где война является частым или постоянным явлением она не может носить ожесточённый и кровопролитный характер, поскольку неизбежно приведёт к быстрому взаимоистреблению конфликтующих сторон. Особенно наглядно эта закономерность проявляется в том случае когда устанавливается относительный паритет сил противостоящих этносов или воинских сообществ. Там, где в силу сложившейся ситуации противник не может быть побеждён «раз и навсегда», а война как таковая приобретает самостоятельную ценность.

Зачастую можно говорить даже о феномене «необходимого противника», наличие которого актуализирует социальные роли воинских сословий в феодальном обществе, способствует социализации юношества и укрепляет традиционную гендерную структуру в обществах позднепервобытного типа. И естественно, что в такой ситуации наиболее «удобным» является тот противник, который готов следовать привычным правилам и нормам вооружённого конфликта, позволяющим свести к минимуму человеческие жертвы, или по крайней мере сделать сам конфликт более предсказуемым и управляемым.

Вообще фактор дистанции, как социокультурной так и чисто территориальной традиционно играл большую роль в развитии описываемого нами феномена в доиндустриальных обществах. Чем территориально ближе, и следовательно привычнее был противник, тем менее кровопролитный характер носили регулярные столкновения с ним. Это обуславливалось как отмеченным постоянством конфликта, так и большей социокультурной близостью. И даже как ни странно, факторами механической солидарности. В обществах с сильно выраженным родоплеменным укладом важным критерием социальной дистанции, влиявшей на характер и интенсивность традиционных конфликтов была степень генеалогической близости между конфликтующими сторонами [1, с. 85]. Здесь зачастую прослеживается своеобразная иерархия конфликтов. Так, например у ряда кочевых народов Евразии столкновения между родоплеменными подразделениями качественно отличались от боевых действий между племенами и единицами более высокого уровня. Если в первом случае боевое оружие обычно не использовалось, а вместо него применялись подручные средства вроде арканов, урюков, берёзовых жердей и т.п., то во втором речь шла о полноценных сражениях, предполагавших человеческие жертвы. Однако в любом случае, как свидетельствуют данные этнографических наблюдений, вне зависимости от характера конфликта высшим проявлением воинского искусства у евразийских кочевников – для которых войны и вооружённые стычки были достаточно частым явлением – было не убийство или даже ранение, а максимально бескровное пленение противника (см. например [2]).

В сословном обществе основным детерминантом правил войны становится уже сословная принадлежность противников. При этом конкретное выражение сословной идентичности в военном конфликте может иметь прямо противоположный характер. От представления о том, что профессиональному воину предпочтительно погибнуть на поле боя, в то время как участвовавшие в сражении невоинские сословия следует щадить, поскольку они не относятся к числу достойных противников, до прямо противоположного, когда в отношении своего дружинного или рыцарского сословия предписано следовать строгому кодексу, превращающему сражение в подобие поединка не несущего серьёзной угрозы для жизни, тогда как в отношении простолюдинов данные правила не действуют. Если первая тенденция более характерна для становящихся сословных обществ, воинский этос в которых формируется на основе варварских традиций, то вторая представляется исторически преобладающей, поскольку присуща сословному строю в его сложившемся, стабильном состоянии.

Многие черты сословного этикета войны проявлялись и тогда, когда военное ремесло переставало быть уделом особых сословий, но при этом сохраняло свой профессионально обособленный характер. Как известно, после окончания эпохи рыцарства в Европе, ему на смену на полях сражений пришли профессиональные наемники, происходившие из самых разных социальных слоев, и не стесненные аристократическими предрассудками. Однако поскольку военное дело в эпоху наемничества сохранило свой достаточно замк-

нутый и в целом корпоративный характер, и к тому же будучи «поденщиками войны» наемники были ещё меньше чем рыцари связаны постоянными обязательствами с конкретными государствами и территориями, они сумели выработать в своей среде ещё более мелочный кодекс правил, призванный сделать их профессию максимально удобной и снизить риск гибели в ходе военных действий. Данное обстоятельство не укрылось от внимания мыслителей эпохи Возрождения (2).

Несмотря на то, что рассмотренная тенденция регламентации войны проявляла себя на самых разных этапах человеческой истории, она разумеется не приобрела характер универсального закона. Современному (да и не только современному) человечеству война представляется в совершенно ином свете, иначе написание данной статьи не имело бы смысла. Поэтому стоит отдельно остановиться на условиях и обстоятельствах перехода традиций военного конфликта в новое качество, его дерегламентации.

Самой очевидной и универсальной для разных стадий, культур и эпох причиной изменения характера войн в сторону большей жестокости и кровопролитности, является характера и главное масштаба задач, которые стоят перед тем или иным социальным организмом. Когда война из рутинного, не имеющего решающего значения для стабильности той или иной социополитической системы (мир-системы, по терминологии И. Валлерстайна) занятия определённого сообщества превращается в условие её выживания, не важно в краткосрочной или долгосрочной перспективе, резкое отступление от правил становится неизбежным.

Если снова обратиться к примеру кочевых обществ, то следует отметить, что в зависимости от ситуации межплеменные конфликты у них могли протекать в двух взаимоположенных вариантах. Вышеописанный относительно бескровный, «состязательный», типичный для относительно спокойных времён, в критических ситуациях, связанных с необходимостью завоевания нового жизненного пространства, инвертировался в истребительный, ведущий к полному или частичному уничтожению целых племён. Причём в случае преодоления некоего условного порога гомцидности, те же самые механизмы которые до этого ограничивали кровопролитие способствовали его усилению. Так например у кочевых бедуинов во время набегов за скотом, столкновений из-за пастбищ или спонтанных вспышек межплеменной вражды противники старались избегать не только убийств на поле боя, но и нанесения друг другу серьёзных ранений из-за опасения кровной мести. Однако тот же самый страх перед кровной мстью толкал победителей уничтожать всех потенциальных мстителей, в том случае, если конфликт переходил в острую фазу [3 с. 45-46]. Однако в данном случае мы имеем дело лишь с частным отступлением от правил, не менявшим в конечном счёте укоренившиеся традиции конфликта. Акты племенного геноцида чаще всего не влекли за собой эскалации кровопролития, общий характер межплеменных столкновений оставался прежним. Несколько дольше истребительный характер войн сохранялся в случае длительных миграций и завоеваний, но после стабилизации маршрутов перекочевок и племенных территорий ситуация возвращалась в прежнее русло.

Между тем в истории уверенно можно выделить достаточно продолжительные этапы, когда военные конфликты приобретали менее регламентированный и более кровавый характер. Особенно зримо это наблюдается в различные переходные (межстадиальные, формативные) эпохи. Вызвано это было тем, что коренные перемены в экономической сфере требовали новых, гораздо более бескомпромиссных методов борьбы за ресурсы, а для утверждения новых типов социальности нужно было закрепить за ними высшее место в соответствующей иерархии. В том числе и иерархии конфликтов. Как нередко случалось в истории, та социальная общность ради которой велись самые тотальные и кровопролитные конфликты, в конце концов и закреплялась в общественном мнении в качестве наивысшей.

Современные исследователи, представляющие как марксистскую традицию, так и стоящие на позициях близких к новейшим эволюционистским подходам, давно отказались от примитивной, исторически неадекватной дихотомии, предполагающей наступление цивилизации (вторичной формации) сразу вслед за первобытностью. Исследователи склонны выделять особую переходную стадию, в равной степени сочетающей в себе черты первобытного и классового общества, но не принадлежащего ни к одной из этих стадий [4; 5, с. 52]. Переходный характер этой ступени в значительной степени определял своеобразие многих социальных институтов, в той или иной степени присущих находящимся на ней обществам. Процесс становления качественно новых социально-экономических реалий (который по мнению некоторых исследователей можно охарактеризовать как революционный, несмотря на исключительную продолжительность переходной стадии, особенно в апологитических обществах [4 с. 314-315]) не только качественно трансформировал основные институты предшествующей эпохи, но и придавал некоторым из них специфический именно для переходного состояния характер. Само собой разумеется, что в наибольшей степени это коснулось тех институтов, которые в силу объективных причин оказались в роли механизмов эволюционных изменений.

В числе одного из главных «рычагов социальной эволюции/революции» по понятным причинам оказалось сфера средств насилия. Переживая сама по себе глубокую трансформацию, она в то же время выступала в роли эффективного гаранта неизбежности и необратимости изменений в прочих сферах.

В переходную эпоху (предклассовом обществе) социальные механизмы насилия не только, в соответствии с общеэволюционными закономерностями усложняются, разделяясь по видам и способам. Значительно возрастает сам уровень насилия, особенно на межсоциорном, по терминологии Ю. И. Семёнова уровне. В отношениях между различными социальными организмами интенсивность конфликтов возрастает как в количественном (особенно если принимать в расчёт число участников), так и что важнее для нашей темы – в качественном отношении. Если в период классической первобытности в том случае, когда целью межгрупповых столкновений не была кровная месть, убийства врагов во время сражений было явлением относительно редким,

то теперь же это становится не только желательным исходом воинского поединка на поле битвы, но и зачастую первоочередной задачей военной кампании.

Как показываю многочисленные этнографические наблюдения, на стадии ранней и классической первобытности, с присущими для неё текучестью и аморфностью общин, практически равным доступом как членов коллектива, так и дружественных чужаков к продуктам охоты и собирательства, сами межгрупповые конфликты были скорее редкостью, особенно для групп со слабовыраженной территориальностью [6]. Сами конфликты (вопрос о том, можно ли говорить о войнах применительно к общинам численностью в десятки человек остаётся спорным, и большинством специалистов решается отрицательно) имели как правило характер «вооружённых драк», когда стороны не ставили целью причинить друг другу не только человеческий ущерб, но и даже сколько-нибудь серьёзные увечья [7, с. 77-78]. Для того чтобы избежать нежелательного кровопролития действовал целый ряд запретов и ограничений, исключительно развиты были примирительные механизмы [7, с. 29-31,]. Во многих этнографически исследованных первобытных коллективах агрессивное и конфликтное поведение рассматривалось как асоциальное, и от таких людей старались избавиться всеми возможными способами [7, с. 32-33].

Однако уже на этапе поздней первобытности, когда обостряется межгрупповая борьба за ресурсы в рамках традиционной культуры конфликтов вызывает более кровопролитная и принципиально нерегламентируемая форма – набеги, внезапные нападения и т.д. В то же время традиционный принцип регламентации формальной, объявленной войны не только сохраняется, но и получает своё дополнительное развитие [1, с. 83-84 и сл.].

Здесь надо специально оговориться, что рассматривая такой сложный и многоплановый феномен, как эволюция вооруженного конфликта, в стадийном аспекте, мы считаем необходимым избегать крайностей вульгарного марксизма строго привязывая любые изменения к формационному фактору, и прежде всего экономическому базису. Как убедительно показали исследования как наиболее творчески и недогматически мыслящих марксистов, так и современных неэволюционистов связь между экономическим базисом и общественной надстройкой носит опосредованный характер, особенно если речь идёт о докапиталистических обществах [4], и вследствие этого близкие, почти идентичные экономические условия могут иметь самые разные, иной раз прямо противоположные социокультурные последствия [8, с. 75-91, 121-124]. Одна из основных идей настоящей статьи собственно и заключена в том, что изменения в регламентированном характере войны носили не строго линейный, а скорее циклический характер.

Точно так же тенденция на ограничения конфликта формальными рамками, превращение его в подобие турнира, совсем не обязательно исключала параллельное развитие субкультуры конфликтов нерегламентированных и кровопролитных. Это кажущееся противоречие на самом деле может быть легко объяснено. С одной стороны, эскалация межобщинных/межплеменных столкновений, придавала им более ожесточенный характер, но с другой – чем более перманентным становилось состояние войны, тем, как уже отмечалось, большей регламентации она требовала. Можно сказать, что одним из ключевых противоречий переходной послепервобытной стадии было стремление социальных организмов решить проблему нехватки ресурсов через усиление внешнего насилия, и вместе с тем избежать его бесконтрольного обострения. Стоит добавить, что параллельное развитие двух взаимообратных тенденций не могло продолжаться слишком долго, и рано или поздно одна из них должна была взять верх.

И здесь уже определяющим моментом могли выступить не социально-экономические, а более ситуативные внешнеполитические факторы. Влияние последних могло существенно повлиять на особенности социального устройства этносоциального организма. Представляется, что культура войны приобретала наиболее жестокий и гомоцидный характер в тех случаях, когда относительная военная слабость окружения того или иного племени с одной стороны обуславливала его военную специализацию, а с другой вела к уменьшению ограничений средств и методов войны.

Яркой иллюстрацией данной закономерности может служить история воинственных яга. Возникнув судя по всему на основе возрастного класса юношей воинов, по каким-то причинам оторвавшегося от своего этнического/племенного массива, они к XVI в. превратились в весьма своеобразный социальный организм, основным занятием которого была грабительская война, сопровождавшаяся разорением захваченных земель и массовым истреблением побеждённого населения [9, с. 69-72]. Судя по всему, довольно долго им сопутствовал успех, поскольку они сумели сокрушить могущественное царство Конго, избежавшее полного уничтожения только благодаря вмешательству португальцев, которым с несмотра на качественное превосходство в вооружении трудом удалось разгромить силы яга. После того, как перманентная последняя агрессия была остановлена, постепенно ушли в прошлое наиболее аномальные черты их культуры включая повышенную воинственность и кровожадность.

С другой стороны, там где исторически сохранялся более или менее устойчивый паритет между различными этносоциальными организмами, там преобладала тенденция регламентированного характера войны. Здесь примером могут служить племена восточноафриканских скотоводов, у которых самыми частыми формами вооружённых конфликтов на протяжении веков являлись взаимные угоны скота [10 с.105-112]. В то же время, при возникновении достаточных предпосылок для политической централизации, та сторона конфликта, которая первой отказывалась от негласных традиций регламентированной войны, оказывалась в наибольшем выигрыше, как это случилось с кланом зулусов, который под началом знаменитого вождя Чаки стал в первой половине XIX в. ядром его «империи» и одновременно формирующегося южноафриканского этноса.

До реформ, произведённых Чакой, война у южнобантуских племён носила регламентированный характер, призванный свести человеческие потери к минимуму. Противники выстраивались в две противостоящие шеренги, и осыпали друг друга дротиками, до тех пор, пока одна из сторон признав свое поражение не покидала поле боя. [11, с.32-33].

Благодаря революционным изменениям в вооружении и тактике зулусов, внесённым Чакой, его по началу многочисленное войско сумело подчинить обширную территорию сопредельных племён, однако этот успех был куплен ценой отступления от традиционных правил войны и возрастания её кровопролитности. Вместо лёгких дротиков, Чака вооружил своих воинов тяжёлыми ассегаями, до этого использовавшимися для охоты на слонов. На смену дистанционному бою пришёл контактный, когда воины Чаки врываются во вражеский строй и производили в нем глубокие опустошения. Фактически, первые успехи зулусов объяснялись тем, что их противники были не готовы к такой войне на истребление. Что характерно, даже в лагере приверженцев, новации зулусского вождя вызвали резкие нарекания этического плана со стороны традиционной знати [11, с. 45-47].

Итак, можно с уверенностью предположить, что отступление от традиционных правил ведения войны общества переходной стадии, для которых война являлась повседневностью и в неё так или иначе было вовлечено всё взрослое мужское население, происходило в том случае, когда возникали необходимые предпосылки для достижения военным путём качественно новых результатов. Когда ситуация стабилизировалась и силы традиционно враждующих сторон уравнивались, вооружённые конфликты как правило принимали более упорядоченный характер, хотя степень их формализованности и соответственно бескровности была всё же ниже чем в эпоху классической первобытности.

Иные факторы обуславливали дерегламентацию войны в обществах достигших стадии государственности и цивилизации. Здесь можно выделить следующий комплекс причин. Прежде всего – экономическая цена войны. В ходе вооружённых конфликтов теперь решается вопрос о контроле слишком значительных ресурсов, чтобы свести их к подобию жесткого спортивного поединка. К факторам политического порядка стоит отнести отстранение широких масс народа от власти (исключая античные полисы), означавшее, что интенсивность и кровопролитность войны теперь в наибольшей степени определяются интересами элит а не рядовых воинов, повинующихся приказам и дисциплине. Демографический и территориальный рост государств означает, что в сражениях теперь принимают участие армии насчитывающие иногда сотни тысяч человек. Даже достаточно многочисленные людские потери масштабах обширного государства в такой ситуации не означают для него критической убыли населения, ставящей общество на грань выживания.

К факторам социокультурного порядка на наш взгляд стоит отнести превращение состояния войны из нормы в аномалию. Если для варварских обществ между состоянием войны и мира не существовало резкой грани, более того каждое отдельное племя/вождество постоянно находилось в состоянии войны с кем-либо из соседей, то в сложившихся государствах, значительно продвинувшихся в социальном и культурном отношении эта грань начинает заметно усиливаться. Соответственно начинают различаться моральные нормы мирного и военного времени. Жестокость и массовая гибель людей на войне воспринимаются как трагическая неизбежность. Точно так же, поскольку война утрачивает свою «сезонность» и между отдельными вооружёнными конфликтами могут лежать достаточно продолжительные и непрогнозируемые временные промежутки, для выработки каких-то даже негласных, «естественных» правил ведения войны не существует достаточных предпосылок. Выход войны за рамки сложившихся культурных и языковых ареалов ещё больше уменьшает шансы на то, что стороны конфликта даже в течение длительного периода окажутся способны выработать некий общий «рыцарский кодекс». Этому препятствуют как этико-мировоззренческие несоответствия, разница в обычаях и традициях, так неизбежная в подобной ситуации дегуманизация противника.

Возвращение в эпоху европейского Средневековья к традициям регламентированной войны, как нам кажется, лишний раз доказывает, что в определённых исторических обстоятельствах, совокупность факторов политического и социокультурного порядка может нейтрализовать, или по крайней мере существенно ограничить действие фактора экономического. Находясь на той же ступени развития производительных сил, что и общества древности, феодальные королевства средневековой Европы тем не менее сформировали качественно отличную от них систему социальных институтов. Одним из таких институтов было военно-феодальное сословие – рыцарство, сумевшее выработать свой собственный кодекс поведения, касавшийся в том числе и правил как турнирного, так и боевого поединка.

Впрочем, рыцарство не было абсолютно уникальным явлением, присущим исключительно Европе. Схожие институты появлялись и в различных восточных обществах, переживающих состояние децентрализации и упадка сильной государственной власти. Близким аналогом западноевропейского рыцарства многие авторы называют индийских раджпутов [12]. Сходство последних с представителями европейского военно-феодального сословия заключалось помимо прочего в существовании особых правил чести, распространявшихся в том числе и на военные конфликты [12, с. 107-120, 131-134].

Факторы, способствовавшие возвращению к более регламентированному характеру войны в условиях уже развитого классового общества, на наш взгляд во многом совпадают с действовавшими на первобытной и предклассовой стадии. Военные столкновения становятся для воинских сословий рыцарского типа такой же частью образа жизни, как и для воинственных племён архаической эпохи. Размер воюющих социальных организмов (суборганизмов) существенно уменьшается, численность сражающихся отрядов сокращается до тысяч, а то и сотен участников.

Специфичным же для эпохи Средневековья было то, что большинство локальных феодальных конфликтов носили сугубо верхушечный характер, и сводились к выяснению вопроса о конкретном лице (или небольшой группе лиц), получающем власть над тем или иным владением. При этом смена конкретного сеньора не влекла за собой сколько-нибудь существенных, качественных изменений в социально-экономическом укладе управляемой им сеньории, равно как и не влияла на общую систему вассально-сюзеренных связей. Сюда стоит добавить и феномен, получивший название «рыцарского космополитизма», когда феодал мог поменять за

жизнь нескольких сеньоров и владеть землями в разных государствах. В этой ситуации всякие коалиции и союзы носили для него сугубо временный характер, и вчерашние враги и друзья могли легко поменяться местами.

Разумеется, как и в архаическую эпоху, регламентация войны в Средневековье не носила абсолютного характера. Правила рыцарского благородства, как отмечалось, не распространялись на простонародье, а так же представителей иных религий. К тому же даже в том кругу на который распространялись правила рыцарского кодекса, их нарушения в реальной жизни были не столь уж редким делом.

По мере становления централизованных государств позднего Средневековья и Нового времени снижалась и степень регламентированности военных конфликтов. Пришедшие на смену рыцарским ополчениям и наёмническим контингентам регулярные армии знаменовали конец сословно-корпоративной монополии военной функции. Становление гражданских наций привело к трансформации феодальной идеологии вассальной верности сеньору, основанной на присяге которая имела персонализированный и взаимообязывающий характер, в идею патриотического служения родной стране/государству.

Конечно, в эпоху торжества гуманистических ценностей не могло быть и речи об отказе от попыток ввести войну в какие-то упорядоченные рамки. Однако в связи с тем, что она вновь становится для общества в целом, аномальным состоянием, резко снижающим в его глазах порог этически допустимого, растет масштаб войн и вдобавок ко всему появляется и совершенствуется огнестрельное оружие, в эпоху Нового и Новейшего времени кровопролитность войн возрастает на порядок. Вновь зримо проявляет себя и экономическая составляющая. Для складывающейся капиталистической системы вооруженное насилие является одним наиболее радикальных, но в то же время как правило и наиболее эффективным путём к максимизации прибыли. Новый рациональный подход к войне задает этическую отстранённость и стремится перевести все потери, включая человеческие на язык цифр. Тенденция подобной рационализации войны надолго берёт верх над гуманистическими принципами, которые уходят в область деклараций или проявляются ситуативно. Ничего похожего на институт регламентированной или формализованной, внешне напоминающей турнир, войны новая эпоха уже не знает.

Суммируя сказанное, можно выделить комплекс факторов, способствующих проявлению феномена регламентированной или формализованной войны. Сюда можно отнести прежде всего её перманентность и относительно маломасштабный характер. Если рассматривать социально-экономический аспект, то регламентированная война – это прежде всего война обществ находящихся в стабильном, если не застойном состоянии, для которых отказ от традиционных норм, ограничения гомицида не обещает никаких существенных результатов, сравнимых с рисками. Регламентация вооруженного конфликта нигде и никогда не носила абсолютного характера, уже в первобытную эпоху, когда вооруженные столкновения даже не имели экономической мотивации, отступления от неё постоянно имели место [1]. Однако всё же выделить эпохи и культуры, в которых такой тип боевых действий был преобладающим, или по меньшей мере эталонным как мы полагаем всё же можно. Более основательно разобраться в сути проблемы, как мы надеемся, помогут дальнейшие исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шнирельман В.А. У истоков войны и мира // Война и мир в ранней истории человечества М., 1994
2. Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII - начале XX века. Алма-Ата, 1971
3. Васильев А.М. История Саудовской Аравии (1745г. – конец XX в.). М., 1999
4. Илюшечкин В.П. Теория стадийного развития общества (история и проблемы) М., 1997
5. Семёнов Ю.И. Переход от первобытного общества к классовому: пути и варианты развития (часть I) // ЭО, 1993, № 1, с. 52-70
6. Кабо В.Р. Первобытная доземледельческая община Л., 1986
7. Казанков А.А. Агрессия в архаических обществах (на примере охотников- собирателей полупустынь). М., 2002
8. Коротаяев А.В. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М., 2003
9. Орлова А.С., Львова Э.С. Страницы истории великой саванны. М., 1978
10. Калиновская К.П. Скотоводы Восточной Африки в XIX – XX вв. Хозяйство и социальная организация М., 1989
11. Риттер Э.А.. Зулус Чака. Возвышение зулусской империи М., 1989
12. Успенская Е.Н. Раджпуты: рыцари средневековой Индии СПб., 2000